

*С.А. Панкратов, доктор политических наук, профессор
С.И. Морозов, кандидат политических наук, доцент
ВолГУ (Волгоград)*

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МИРОПОРЯДКА XXI в.: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПОИСК СОГЛАСИЯ

События 11 сентября 2001 г. в США позволили некоторым аналитикам и публицистам заявить о появлении новой формы общемирового конфликта, проявляющегося, по сути, в столкновении цивилизаций. При этом спустя более двадцати лет вооруженные события, развернувшиеся на Украине, вновь актуализировали тематику мирового военного противостояния, ввиду некой схожести «картины» нынешнего конфликта с чертами Первой и Второй мировых войн. С нашей точки зрения, обладание ведущими акторами мировой политики значительным арсеналом ядерного оружия, а также рассогласованность в реализации существенной части разно уровневых интересов даже в системе потенциальных союзников (например стран членов НАТО), позволяет предположить о минимизации сегодня прямого вооруженного столкновения. Вместе с тем, совершенно справедливо отмечает Ф. Лукьянов, в настоящее время «мировая война» – «это цепь крупных, но локальных противоборств, каждое из которых так или иначе вовлекает самых важных игроков, балансирует на грани выплескивания за пределы изначальной зоны и непрямым образом связан с другими очагами нестабильности. Череда военных событий началась с ближневосточных конфликтов прошлого десятилетия (Йемен, Сирия), далее продолжилась Украиной с 2014 г., Южным Кавказом и теперь Палестиной. Точку в этом перечне ставить явно рано [3].

В этой связи целесообразно пересмотреть ставшее доминирующим на исходе XX в. – увлеченности в теории и практике либеральной моделью глобализации – утверждение о том, что территориально-географическое положение государств, их региональных союзов утратило свое прежде важнейшее значение. Слишком уж, якобы, велики издержки. Выгоды (социально-политические, экономические, военные и т.д.) целесообразно достигать иными технологиями и средствами. Безусловно, одним из факторов конфликтогенности современного миропорядка выступает стремление изменить территориальные границы, заняться «переделом» территорий, значимость которых значительно возрастает как и прежде в более ранние эпохи. Следует признать иллюзорность и неоправданность тезиса о фундаментальной устойчивости нынешних границ, «узаконенных» решениями ООН. «Соблазн» к пересмотру границ в контексте цивилизационного противостояния и соперничества приобретает институционально – акторный вектор

взаимодействия, что подтверждается трансформацией структур международных организаций и принципов их создания, функционирования. «Нынешняя “Третья мировая война”, вероятнее всего будет растянутой во времени и распределенной в пространстве» [3].

Особое внимание в этом контексте заслуживает предотвращение и минимизация факторов конфликтогенности на постсоветском пространстве. «Крах Нагорного Карабаха», во многом определяемый выбором армянского населения и нынешнего руководства Армении по вопросам внутренних и внешних приоритетов, позволяет Российской Федерации переосмыслить использование технологий достижения и реализации собственных стратегических внешнеполитических векторов. Поскольку «особые» отношения с Москвой для ряда суверенных государств – бывших республик СССР далеко не всегда укладываются в их логику «независимого развития», то целесообразно переформатировать свое взаимодействие «от стратегии сохранения влияния к активной дипломатии». Иными словами, «не для того, чтобы удерживать интересующие нас страны, а чтобы обеспечить в каждом из регионов постсоветского пространства благоприятные для нас условия» [1, с. 47]. Именно в этом смысле необходимо рассматривать (измерять, оценивать) эффективность институциональных действий ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, не имитационно, а реально «работающих» на воспроизводство и поддержание взаимовыгодных добрососедских отношений, минимизацией рисков и угроз конфликтности в любой из сфер жизнедеятельности обществ и государств.

Важной особенностью современного конфликтного пространства мира выступает «оголтелая» русофобия и демонизация как руководства Российской Федерации, так и российских граждан со стороны недружественных стран, пытающихся в этом убедить всех остальных. Скорее всего можно наблюдать «идейную реабилитацию» отрицания всего русского – российского в исторической перспективе как «неспособных к демократическому существованию» в виду «генетической» предрасположенности к варварству и экстремистским формам поведения. Так, например, Президент США Дж. Байден вернувшись из Израиля в своей, претендующей на программность, речи заявил: «ХАМАС и Путин представляют разные угрозы, но у них есть нечто общее: они оба хотят полностью уничтожить соседнее демократическое государство... Мы... не позволим террористам, таким как ХАМАС, и тиранам, таким как Путин, одержать победу» [2, с. 15].

При этом представители западных элитарных кругов используют технологии запугивания, тем самым повышая «градус» и пространство конфликтности. В своем выступлении Байден неоднократно обращался к теме возможности распространения конфликта и в других регионах мира, а потому именно «американские альянсы – это то, что обеспечивает нам, Америке,

безопасность... Подвергать все это риску, если мы прекратим поддержку Украины, если мы отвернемся от Израиля, – совершенно невыгодно для США». И вывод, как следствие, такой политической стратегии, более чем конкретно озвученная действующим Президентом США: «Это разумная инвестиция, которая будет приносить дивиденды для американской безопасности на протяжении поколений, помогать нам беречь американские войска от опасности, помогать нам строить мир, который будет более безопасным, более мирным и более процветающим для наших детей и внуков» [2, с. 15].

Повторяя основные идейные послы выступления Президента США о схожести России и ХАМАС, глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен на следующий день в своем выступлении из Вашингтона акцентировала внимание на то, что «мы не забыли, что во Второй мировой войне демократия победила фашизм и автократию. Этот триумф заложил основу мирного устройства. И это не только о прошлом, это определит и наше будущее» [2, с. 16], фактически нивелировав и дискредитировав роль СССР в победе 1945 г.

Еще одной из специфических характеристик конфликтности современного мира в отличие от времен холодной войны, выступает наличие: с одной стороны, противоречивого, иерархизированного, но все еще достаточно сплоченного для совместных действий, так называемых цивилизованных стран Западного мира; с другой стороны, активно взаимодействующих государств – цивилизаций (России, Китая, Индии), а также ряд не-западных стран, имеющих потенциал и способность отстаивать свой реальный суверенитет (например страны члены БРИКС) и «симпатизирующие» данному курсу; и, в третьих, «мировое большинство» стремящихся «организовать» свою внутреннюю и международную деятельность «не по общим лекалам» и стандартам и старающимся извлечь «пользу» из приоритетов той или иной стороны. Таким образом, переход от однополярности к многополярности мироустройства демонстрирует «хаотизацию» и непредсказуемость, турбулентность не только «в реальности», но и в восприятии современности.

При этом и украинский, и палестинский конфликт в первой трети XXI в. (правда каждый по-своему) отделили линии размежевания как в сложившейся региональной, так и глобальной системе международных отношений. Каждый из них имеет свою предысторию, но выступает лишь частным случаем проявления «цивилизационных разломов» и поиском либо имитацией такового в поиске оснований минимизации современных конфликтов различных уровней. Вместе с тем, стоит признать, что наличие и обострение конфликтов, может выступать фактором сохранения гегемонии отдельными странами или их союзами. Именно это предполагает множество сценарных возможностей в претензии на «управление мировым сообществом» в тех или иных интересах.

Список источников

1. Бордачев, Т. Карабахские уроки для Москвы / Т. Бордачев // Профиль. – 2023. – № 39–40. – С. 47.
2. Лукьянов, Ф. Полуполярный мир / Ф. Лукьянов // Профиль. – 2023. – С. 15–18.
3. Лукьянов, Ф. Что будет после статус-кво / Ф. Лукьянов // Российская газета. – 2023. – 9 ноября. – С. 2.

А.А. Татаров, кандидат исторических наук, доцент

С.А. Татарова, студент

КБГУ им. Х.М. Бербекова (Нальчик)

НА ПУТИ К СТАБИЛЬНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ АДЫГОВ В СОВЕТСКИХ АВТОНОМИЯХ В 1920–1980-е гг.

С 1917 г. для адыгов (кабардинцы, адыгейцы, черкесы), как и других северокавказских народов, решалась судьба нового вектора политического развития. Эксперимент с Горской Автономной Социалистической Советской Республикой (ГАСССР) в 1921–1924 гг. не обеспечил эффективной консолидации в «неспокойном» крае после Гражданской войны.

Выход Кабарды из ГАСССР уже в 1921 г. продемонстрировал не только объективные сложности проекта советской горской федерации, но и определенные стремления местной адыгской элиты, которые при этом стремились не противоречить интересам Центра. С одной стороны, X съезд РКП(б) в 1921 г. обозначил запуск политики коренизации, заключавшейся в систематическом повышении доли представителей северокавказских этносов в партийно-государственном аппарате. С другой стороны, кабардинские политические лидеры были заинтересованы в появлении кабардинской автономии на фоне роста национального движения в этот период [2, с. 41, 44]. Центр определенно стремился к административной сегментации адыгского народа и углублению его идентификационной дифференциации [5, с. 68], что вылилось в объединение Кабарды и Балкарии в единую АО (1922 г.) и создание Черкесской Автономной области (АО), Адыгейской АО и Шапсугского национального округа. Таким образом, в 1920-х гг. в рамках таких новых консоциативных проектов как Адыгейская АО, Карачаево-Черкесская АО, Шапсугский, появляются четыре «официальные» адыгские национальности (кабардинцы, черкесы, адыгейцы и шапсуги). За исключением Шапсугского района, упраздненного в 1945 г., остальные проекты оказались долговечными.